

СУДЕЙСКОЕ УСМОТРЕНИЕ И МОТИВИРОВАННОСТЬ ПРИГОВОРОВ

В статье рассматривается правомерность судебного усмотрения, выражающаяся в обоснованности и мотивированности судебных решений. Анализ текстов приговоров по конкретным уголовным делам позволяет выявить неубедительность некоторых типичных доводов судов о достоверности одних доказательств и сомнительности других. Обвинительный уклон современного российского правосудия проявляется в числе прочего и в явном предубеждении судов относительно доказательств защиты и обвинения, что также получает отражение в текстах приговоров.

Ключевые слова: судебское усмотрение, законность, обоснованность и мотивированность приговора, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, доказывание по уголовным делам, доказательства.

Судейское усмотрение всегда рассматривалось как имманентное свойство судебной власти, как «полномочие, которое закон дает судье, чтобы делать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая законна» [1, с. 13]. Необходимость такого усмотрения практически по любому уголовному делу и по множеству самых разных материально-правовых и процессуально-правовых вопросов никогда не подвергалась сомнению ни в профессиональных юридических сообществах любых стран, ни в обществе в целом. Вместе с тем границы этого усмотрения, и тем более степень осведомленности о его основаниях людей, не являющихся судьями, факторы, определяющие судебский выбор принимаемых решений в каждом конкретном случае, — это одни из наиболее обсуждаемых проблем во всех странах и на уровне теоретических дискуссий, и на уровне бытового общения. В рамках континентально-европейской правовой семьи, к которой относится и Россия, споры по этим проблемам ведутся, главным образом, в контексте обоснованности и мотивированности судебных решений, в первую очередь приговоров по уголовным делам. Не творя норм права, российский судья делает властный выбор между несколькими уголовно-правовыми нормами, подлежащими применению к внешне схожим фактическим обстоятельствам, между несколькими принципиально возможными процессуальными решениями, а также между имеющимися в деле доказательствами, которые, по его мнению, более убедительны для того или иного материально-правового и процессуально-правового выбора. Именно поэтому российский уголовно-процессуальный закон требует от судьи изложения в описательно-мотивировочных частях как обвинительного, так и оправдательного приговора мотивов доказательственных предпочтений (п. 2 и 4 ст. 307 и п. 4 и 5 ст. 305 УПК РФ), то есть оснований судебного усмотрения. Едва ли можно выработать абсолютно универсальные рекомендации относительно формулировок приго-

* © Тарасов А.А., Шарипова А.Р., 2014.

Тарасов Александр Алексеевич (aatar@mail.ru), Шарипова Алия Рашитовна (nordwind23@rambler.ru), кафедра уголовного права и процесса Института права, Башкирский государственный университет, 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

воров, указывающих, почему именно суд, например, не доверяет показаниям одних свидетелей и уверенно полагается на другие. Однако думается, что и сегодня вполне актуально звучит мысль И.Я. Фойницкого о том, что внутреннее убеждение судьи формируется «при условиях и в порядке, которыми обеспечивается, что всякий рассудительный и здравомыслящий человек при тех же данных пришел бы к одинаковому заключению» [2, с. 189]. И эту мысль вполне можно считать универсальной рекомендацией. Во времена И.Я. Фойницкого указание закона о мотивированности приговора было выражено в формулировке ст. 797 Устава уголовного судопроизводства 1864 года: «В приговоре сверх указанного в резолюции означаются: 1) предметы обвинения, выведенные в обвинительном акте или в жалобе частного обвинителя и в заключительных по судебному следствию прениях; 2) соображение обвинения как с представленными по делам доказательствами и уликами, так и с законами; 3) подробное изложение согласно с разумом и словами закона сущности приговора». Заметим, что это указание касалось только так называемого «подробного приговора», который изготовлялся «не позже двух недель со дня провозглашения сущности оногo» (ст. 793 Устава), то есть так называемой «резолюции», оглашавшейся сразу по окончании судебного разбирательства (ст. 789 Устава) [3]. Сказанное, как полагаем, подчеркивало важность не только самого решения по существу дела, но и убедительности «соображения» суда, положенного в его основу. В современной российской правосудии из уголовного процесса исключен разрыв во времени между изготовлением резолютивной и описательно-мотивировочной частей приговора, а в гражданском и арбитражном процессе такое правило сохранено.

Текст приговора должен убеждать в невозможности другого итогового вывода, причем это касается не только обвинительных, но и оправдательных приговоров: суд, пришедший к выводу о доказанности либо недоказанности обвинения, обязан убедить текстом приговора, что другой вывод по делу невозможен, и презумпция невиновности либо несомненно опровергнута, либо, напротив, стала уже не предположением, а установленным фактом невиновности.

Анализ описательно-мотивировочных частей значительной части обвинительных приговоров позволяет утверждать, что в основе внутреннего судейского убеждения, а значит — и судейского усмотрения, выраженного в итоговых выводах суда, нередко лежат наряду с доказательствами еще и разного рода «профессиональные презумпции», которые далеко не всегда с этими доказательствами согласуются.

«Презумпция недобросовестности стороны защиты» — так условно можно назвать наиболее распространенный «штамп» обвинительных приговоров, который в судейской среде даже не принято скрывать.

В качестве примера приведем приговор Можайского городского суда Московской области по делу в отношении С.В. Головнева, осужденного за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 138 УК РФ. Не ставя под сомнение правильность по существу вступившего в законную силу обвинительного приговора, обратим внимание на конкретные фразы из его описательно-мотивировочной части, в которых суд в соответствии с требованиями закона выражает мотивы своего недоверия к отдельным доказательствам. Показания трех свидетелей-очевидцев события преступления, не противоречащие друг другу (о том, что Головнев был трезв и не применял насилия к представителю власти), суд отверг с одной и той же формулировкой: «поскольку они как знакомые подсудимого прямо заинтересованы в положительном для подсудимого исходе настоящего дела» [4]. Сразу заметим, что приведенное дело выбрано абсолютно случайно, а процитированная фраза из приговора настолько типична, что привязывать ее к конкретному делу требует лишь авторская корректность.

Подобный подход к показаниям лиц, заинтересованных в исходе дела, конечно, небезоснователен. Но всякое умозаключение неполной, особенно ненаучной, индук-

ции таит в себе возможность ошибки. Действительно, друзья и родственники подсудимых часто лгут, чтобы последние избежали ответственности. Более того, свидетели вообще могут лгать следователям и суду по тысяче других причин. Но установить, что они лгут, а уж тем более — написать об этом в тексте официального властного решения — можно только после обнаружения противоречий между их показаниями и действительностью или хотя бы между собой, а отнюдь не через простую констатацию заинтересованности допрашиваемых. Во всяком случае суд, отвергающий какое-то доказательство и считающий возможным указать это в приговоре, не может не учитывать, что не всякое заинтересованное в чем-либо лицо готово безоглядно лгать суду под страхом уголовной ответственности за лжесвидетельство.

Не менее распространена и «смежная» «презумпция добросовестности стороны обвинения» — другая составляющая обвинительного уклона в российском правосудии. Проявляется эта презумпция в принципиально ином подходе к оценке доказательств, подтверждающих вину подсудимого, что выражается в описательно-мотивировочной части приговоров во фразах, подобных следующей. «Оценивая показания свидетеля в части того, что он испытывает неприязнь к подсудимому, в связи с его поведением в быту, суд принимает во внимание, что согласно показаниям свидетеля его неприязнь не скажется на объективности показаний» (приговор Московского районного суда г. Рязани в отношении Степанова И.Е., осужденного по ч. 4 ст. 111 УК РФ) [5]. Такого рода мотивировка — также не разовый, не какой-то исключительный, а многократно повторяющийся и потому широко известный пример того, что подобные «обещания» принимаются судом всерьез, только если они подтверждают обвинение, а если они высказаны подсудимым или свидетелями защиты, то практически никогда не бывают достаточными для оценки судом соответствующих показаний как правдивых.

Из первого приведенного нами примера видно, что суд не был склонен переоценивать правовой значимости разъяснения обязанности свидетеля защиты говорить правду под угрозой уголовной ответственности. Суд не предложил «знакомым подсудимого», несмотря на свое хорошее к нему отношение и озабоченность его судьбой, сохранять объективность при даче показаний, он заранее, без всяких оговорок, счел их лжецами. В случае со свидетелем обвинения — иное дело: раз свидетель сказал, что не намерен оговаривать неприятного лично ему человека, значит, он непременно будет говорить правду, забыв о личной неприязни. Едва ли двойные стандарты повышают убедительность приговоров, едва ли они способствуют укреплению авторитета судебной власти в стране.

Распространенным явлением стала изначальная подмена в приговорах значимого для оценки доказательств факта: важна не заинтересованность свидетеля сама по себе (в положительном или отрицательном смысле), а дача им неправдивых показаний (причиной этому может быть и заинтересованность, и ошибка, и болезненная склонность к фантазиям, и многое другое — результата это не изменяет). Поэтому, если суд доверяет каким-то показаниям, вопреки заявленным любой из сторон доводам о заинтересованности свидетеля, то он обязан указать в приговоре, что стороной-заявителем не представлено доказательств, подтверждающих ложность соответствующих показаний, либо имеются другие доказательства, подтверждающие их правдивость, и в тексте отметить, о каких именно доказательствах идет речь. В любом случае из текста приговора, с одной стороны, должны быть видны основания судебного усмотрения, а с другой — точно не должна быть видна предвзятость в оценке доказательств, представленных какой-то одной стороной.

В современных российских судах весьма распространено парадоксальное сочетание констатации в приговорах факта дачи заведомо ложных показаний свидетелями, не обладающими свидетельским иммунитетом, с полным отсутствием какой-либо реак-

ции суда и правоохранительных органов на факт выявления признаков преступления, предусмотренного ст. 307 УК РФ. Привлечение свидетелей к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ — это, скорее, редчайшее исключение, чем правило.

Оправдательные приговоры, если они случаются в современной российской судебной практике, гораздо объемнее по содержанию, чем обвинительные, даже когда речь идет о сходных уголовных делах. Основанная на профессиональных мыслительных стереотипах «презумпция добросовестности стороны обвинения» при столкновении с требуемой по закону презумпцией невиновности налагает на суд обязанность опровержения обвинения, которая часто требует от суда особых усилий в силу ее абсолютной непривычности. Отвергая представленные обвинением доказательства в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора, суд считает необходимым подробно объяснить причины, побудившие его к этому, тогда как с доказательствами защиты в описательно-мотивировочных частях обвинительных приговоров «церемониться» вообще не принято — указал на заинтересованность свидетеля, что будто бы достаточно.

В качестве примера идеальной работы с доказательствами обвинения, закономерным итогом которой стало оправдание подсудимого, рассмотрим приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области в отношении Д.В. Кузнецова, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 228.1 (Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконный сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества) УК РФ [6].

Показания основного свидетеля обвинения — наркомана, сыгравшего покупателя во время контрольной закупки, суд отклонил, указав в числе прочего на нелогичность мотива «сдачи» своего постоянного поставщика при отсутствии к нему каких-либо претензий. Это, по справедливому разумению суда, ставит под сомнение «самостоятельность» дачи показаний свидетелем, отсутствие воздействия на него со стороны сотрудников органов наркоконтроля. Сомнительной суд обоснованно посчитал и добровольность сотрудничества наркомана с полицейскими, которая посетила его именно в момент вызова в полицию «для профилактической беседы». Не стал исключать из внимания суд тот факт, что оперуполномоченный, склонивший наркомана к содействию полиции, был осужден за провокацию торговли наркотиками, которую он совершил похожими методами. Озадачился суд правдоподобием совершенной сделки по продаже наркотиков: сопоставление суммы «изъятых» денег, якобы полученных за героин, и веса наркотика дало «нерыночную» его стоимость. «Заинтересованность» свидетелей обвинения — оперуполномоченных наркоконтроля — суд не просто констатировал, а объяснил ее наличие: если подсудимый будет признан виновным, то действия наркополицейских окажутся законными, в противном случае на них падут последствия признания их действий незаконными. Найденный стороной обвинения в недрах уголовно-исполнительной системы новый свидетель, готовый дать показания, что когда-то покупал у подсудимого наркотики, не вызвал доверия у суда, поскольку он уже выступал в другом уголовном деле свидетелем и тогда не желал изобличать «наркоторговца», а значит, по мнению суда, маловероятно, что сейчас его новая активная гражданская позиция сформировалась добровольно.

Анализ текста оправдательного приговора в данном случае позволяет убедиться в том, что нормальная человеческая логика и соображения здравого смысла дают возможность проследить формирование внутреннего убеждения судьи при оценке всей совокупности доказательств, причем не только имеющихся в данном деле, но и истребованных из других дел. Судейское усмотрение, благодаря понятным способам

выявления и правовой оценки всех юридически значимых обстоятельств дела, а также благодаря столь же понятному выражению его в общедоступных словах и выражениях, перестает быть «тайной за семью печатями». Думается, излишне напоминать, что обвинительный приговор требует, скорее всего, не менее подробного и наверняка не менее убедительного обоснования и письменного мотивирования в силу прямого требования закона – «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях» (ст. 14 УПК РФ). Однако на практике обвинительные приговоры куда более лаконичны и примитивны в обосновании судебного усмотрения.

Подводя итог сказанному, напомним высказывание М.С. Строговича об одном из обязательных свойств судебного приговора – его убедительности: «Приговор должен быть убедителен – это значит, что гражданами, населением, общественностью он должен восприниматься как правильный, справедливый, должен убеждать их в правильности тех выводов, к которым пришел суд» [7, с. 325]. Принципиально, чтобы приговор убеждал вовсе не только самих судей и даже не только профессиональных юристов. Приговор пишется для людей и должен быть понятен и убедителен для любого среднестатистического гражданина страны.

Библиографический список

1. Барак Аарон. Судейское усмотрение / пер. с англ. М.: Норма, 1999. 376 с.
2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. 607 с.
3. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: <http://base.garant.ru/57791498> (дата обращения: 18.10.2014).
4. Приговор Можайского городского суда Московской области по делу в отношении С.В. Головнева, опубликованный на сайте «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 05.09.2014).
5. Приговор Московского районного суда г. Рязани по делу в отношении И.Е. Степанова, опубликованный на сайте «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 05.09.2014).
6. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области по делу в отношении Д.В. Кузнецова. URL: <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 05.09.2014).
7. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. I: Основные положения науки советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 469 с.

References

1. Barak Aaron. Judicial discretion. Translation from English. M., Norma, 1999, 376 p. [in Russian]
2. Foinitsky I.Ya. Course of criminal proceedings. SPb, Alfa, 1996, Vol.2, 607 p. [in Russian]
3. Rules of criminal procedure dated 20 November 1864. Retrieved from <http://base.garant.ru/57791498> (Accessed 18.10.2014) [in Russian]
4. The verdict of Mozhaisky City Court of the Moscow Region in the case against S.V. Golovnev published on the website «Rospravosudie». Retrieved from: <https://rospravosudie.com>. (Accessed 5.09.2014) [in Russian]
5. The verdict of Moscow District Court of Ryazan in the case against I.E. Stepanov, published on the website «Rospravosudie». Retrieved from: <https://rospravosudie.com>. (Accessed 5.09.2014) [in Russian]
6. The verdict of Ordzhonikidze District Court in Magnitogorsk, Chelyabinsk Region in the case against D.V. Kuznetsov. Retrieved from: <https://rospravosudie.com> (Accessed 5.09.2014)
7. Strogovich M.S. Course of Soviet criminal trial. Vol. I Basic concepts of science of Soviet criminal trial. M., Nauka, 1968, 469 p. [in Russian]

*A.A. Tarasov, A.R. Sharipova**

JUDICIAL DISCRETION AND MOTIVATION OF VERDICTS

In the article the legitimacy of judicial discretion that is expressed in the justification and motivation of judicial decisions is viewed. Textual analysis of sentences in specific criminal cases reveals the typical arguments unconvincing courts about the reliability of some of the evidence and other dubious. Accusatory tendency of modern Russian justice is manifested in explicit prejudice of courts regarding evidence of defense and prosecution, which also is reflected in the texts of sentences.

Key words: judicial discretion, legality, validity and motivation of a verdict, criminal procedure, criminal process, proof in criminal cases, evidence.

* *Tarasov Alexander Alexeevich* (aatar@mail.ru), *Sharipova Alia Rashitovna* (nordwind23@rambler.ru), Department of Criminal Law and Process, Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, 450005, Russian Federation.